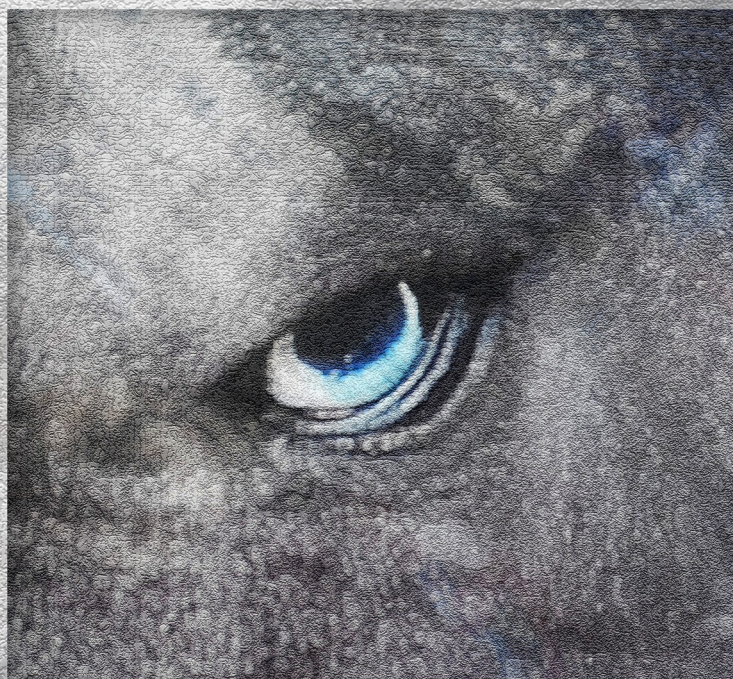

Д.В. ШУЛЬЦЕВ

ВОСПИТАНИЕ
АНГЕЛА
ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воспитание ангела (повесть) — **3**

Водица (рассказа) — 143

Модильяни с того света — 157

Мамочка Ряба или казус Шторца - 163

Воспитание ангела (роман-повесть)

Илья

Неделю назад здесь, на высоком берегу реки Москва рядом с Дорогомиловским железнодорожным мостом, прогуливались парочки, мужики, сидя на склоне, пили портвейн, мамочки толкали впереди себя детские коляски. Окрестный народ любовно называл это место москвашей.

Река постепенно одевалась в гранит и именно здесь строители решили сделать съезд для тяжёлых машин, подвозивших бетонные блоки.

Тут же прошёл слух, что на москваше разрыли еврейское кладбище. Уж почему еврейское, трудно сказать, только звучало это как-то таинственно и, для некоторых, обнадеживающе.

Сейчас на фоне неба и ажурных конструкций моста неподвижно застыл огромный экскаватор. Ковш брошен к подножью высокобленной земляной трёхметровой стены, от него к вершине стрелы уходили расслабленные тросы и цепи. Начало июня. Земля на срезе сочилась ручейками прозрачной воды. Тут и там из расцарапанной зубьями ковша стены на высоте человеческого роста торчали корни деревьев, камни и еще какие-то черные доски.

«Наверное то — гробы» — у Ильи мурашки побежали по спине. Гробы располагались торцами на восток, и экскаватор, пятясь на запад, срезал их перпендикулярно, слой за слоем. Это обстоятельство благоприятствовало тем, кто сейчас находился у подножья своеобразного колумбария, поскольку возится со вскрытием трухлявых ящиков не приходилось. С другой стороны, всё содержимое могилы нельзя было увидеть сразу, а чтобы вытащить гроб из-под тяжелой земли как-то не хотелось даже думать.

Машинист не торопился и отсекал каждый день один-два метра грунта по всей ширине холма. Приходил рано, работал до обеда, обедал и... уходил.

Первоначально чувство ревности к нему как к первооткрывателю - или первоотрывателю - заставляло кладоискателей приходить заранее и ждать, напряженно всматриваясь в каждый квадратный метр обновлённого среза. Но машинист проявил себя как ленивый лопух, которому нет дела до сокровищ и который на эти сокровища только иногда мочился сверху, стоя на гусенице машины или щелчком выстреливал вниз горящие окурки из окна кабины.

Большую часть «золотого гумуса» увозили грузовики - тут уж ничего не поделаешь. Попытки покопаться в кузове пресекались шоферами быстро и безжалостно. Но и того, что оставалось, было вполне достаточно.

Кладоискатели — местные пацаны - заступали на основную вахту в субботу и воскресенье, когда техника не работает.

Илья из конспирации не взял с собой ничего, что могло указать на то, что он идет искать клад. В растерянности он долго топтался на месте, пока один из копателей вдруг громко не вскрикнул. Илья издали увидел, как что-то сверкнуло на грязной ладони. Тогда он решился тоже попытать счастья и направился туда, где примерно на высоте его роста из срезанного склона торчала черная доска. Крепко ухватился и потянул. Доска не поддавалась. Тогда он стал раскачивать ее из стороны в сторону, с каждым разом все шире и сильнее. До него доносились восторженные восклицания тех, кто столпился вокруг счастливицы, и это еще больше раздражило Илью. Наконец доска пошла.

Ещё одно героическое усилие, и огромный пласт земли оторвался от стены и рухнул, увлекая за собой доску и Илью. Из земли осталась торчать только Илькина

голова. Дыхание на мгновение остановилось, но через секунду он издал дикий вопль. Ребята бросились на помощь. Очень скоро Илья смог подняться. Он продолжал сжимать в руке злосчастную доску и в этот момент был похож на грязного, средних размеров черта. Однако на него уже никто не смотрел, все устали смотреть на открывшуюся в стене дыру.

Чапа первый подскочил к черному проему, ловко подтянулся и на четвереньках двинулся в темноту. Илья рванул за ним. Испачканный глиной зад Чапы некоторое время маячил перед глазами, но вдруг исчез. Озадаченный, Илья продолжал ползти в полной темноте, и осознал, что впереди поворот, только когда уперся головой в стену. Повернул направо и снова услышал натужное сопение Чапы. Илья вдруг сообразил, что сейчас они как раз под экскаватором, и эта мысль как-то сразу превратилась в яркую картинку заживо погребенных мальчиков. Он притормозил, но сзади слышались возбуждённые крики. Илья пополз вперёд. Чапа вдруг перестал сопеть.

Перед ними была железная решетка, перекрывавшая весь проход. Зажжённая спичка осветила пространство за решеткой на расстоянии руки. Единственно, что они успели увидеть – это кусок каменной кладки и... четыре сидящие вокруг гробницы неясные фигуры, с виду человеческие. Что касается последнего видения, то о признании реальности его существования друзьям пришлось договариваться уже на воле, куда они в панике устремились ударяясь головами о стены, обдирая колени и вопя от ужаса.

Яркий дневной свет ослепил их. От боли в глазах оба зажмурились. И тут же в воздухе повис выжженный на сетчатке глаза всполохом пламени спички стоп-кадр только что виденного. Постепенно боль ушла, картинка стала расплываться, лишаясь деталей, позволяющих точно определить, что конкретно они видели, но последовавший подробный и публичный анализ случившегося давал все основания говорить, что видели они кого-то живого. Чапа даже вспомнил, что один из них в последний момент шевельнулся. Все сразу решили, что это, конечно, вранье, хоть и страшное. Но стоя на свежем воздухе да еще в компании друзей, во всё это очень хотелось верить. «А может монстр какой—мы же его до конца не разглядели...», «интересно, а что они там делают... сейчас?» Последний вопрос был озвучен Мещерей, невысоким, хилым пареньком с живыми блестящими глазами, которые в тот момент готовы были сорваться в крик и ужас.

Сказано было шепотом, мальчишкой, но и этого порой достаточно, чтобы произошло нечто ужасное: в горах, например, это лавина, в лесу – внезапный поток воды за воротник с прогнувшегося листа или сугроб снега на голову с уставшей от тяжести ёлочной лапы...

Над головами компании кладоискателей послышался легкий скрежет, но не такой пронзительный, когда монеткой по стеклу, и не очень высокий. Это был тот еще скрежет, когда вдруг начинают шевелиться огромные металлические конструкции, скрип трущихся друг о друга клепанных листов и натянутых тросов сливается с шумом ветра, и от того становится слышен отовсюду. Это был такой скрежет, что все мгновенно замерли с первым звуком, даже не думая закрыть рот или вытереть сопли. Мгновенно все бросились врассыпную...

Гусеница экскаватора продавила свод прохода и, потеряв равновесие, гигантская машина стала заваливаться на бок. Стрела экскаватора, до того устремленная вертикально вверх, не раскачивалась задумчиво, как в кино, а сразу, выбрав направление, с размаху врезалась свободным концом в землю, согнулась, отыграла всей машиной вверх и, треснув пополам, мгновенно успокоилась.

Всем повезло. В той стороне, куда она рухнула, к счастью никого не оказалось.

Чапа разлил в граненые стаканы портвейн. Илья глотнул нехорошо пахнувшей жидкости. В голове сразу зашумело, стало душно и жарко.

Они расположились в запретной зоне моста. Высокий забор с колючей проволокой поднимался по крутизне от самой воды до насыпи полотна, там, где стояла зелёная будка охраны.

«Запретка» заросла мелкими деревьями и кустарником, сплетенные ветви образовали сплошную непроходимую стену. В ней кто-то проделал проход к стоявшему в глубине, сбитому как попало из досок и листов железа сараю, похожему на огромную собачью будку. Даже вход был круглый.

Очевидно, сначала сделали короб, а затем прорубили дыру, определил Илья. Он оказался здесь впервые и поначалу долго озирался вокруг. Было непонятно, как такое сооружение не заметили и не уничтожили охранники. Может, сверху его не видно за кронами деревьев? Но зимой-то...

Вокруг будки валялись бутылки, обрывки оберточной бумаги, доски от тарных ящиков, которые судя по обугленным краям, использовались в качестве топлива. Пахло отхожим местом, но не сильно.

Из всей команды кладоискателей Чапа привел сюда троих: Илью, Мещерю и Женьку Ляпустина. В гастрономе на углу «тридцатого» взяли пару портвейна, хлеба и плавленых сырков.

Закупки осуществлял Чапа. Сергей Чаплыгин числился второгодником в восьмом «Б» и выглядел достаточно взрослым, по мнению продавщицы тети Зины. Илья ростом был выше Чапы и шире в плечах, но по физиономии с ее круглым овалом, светлыми волнистыми волосами, мягким носом и наивными серо-голубыми глазами он никак не проходил строгий контроль. Мещеря и Женька, совсем пацаны, отслеживали процесс закупки, примостившись на подоконнике у входа в магазин.

Все прошло гладко и через пятнадцать минут они очутились в «запретке». Оказалось, что Женька здесь не впервые, он как-то сопровождал сюда старшую сестру и ее парня. Сейчас, походив немного вокруг, он обнаружил использованный презерватив, и, подцепив его на палку, разглядывал со всех сторон, очевидно распаляя собственное воображение.

Мещеря с трудом проглотил свою дозу и теперь налегал на закуску. С набитым ртом он вслух зафиксировал открытие:

- Значит, есть еще места в нашем районе, где не ступала нога человека.

— Наверное, богатый был еврей, — произнес Чапа, наливая по второй, и это были первые слова по делу, которое их сегодня здесь объединило.

Он порылся в кармане и достал кусочек золота от коронки, которую час назад сковырнул с нижней челюсти открытого черепа.

— Жалко, что все рухнуло, — вздохнул он. — Илья, а ты кроме этих... ничего больше не разглядел?

Илья пожал плечами. Теперь что об этом думать. Там, на кладбище, наверняка сейчас уйма народу, кричат, ищут тех, кто все это устроил. Склеп, конечно, обнаружат, что найдут - заберут...

Снаружи в круглом проеме появилась палка с презервативом на конце.

— Жень, да выброси ты эту гадость, — в сердцах крикнул Илья и тут же осекся.

Вместе с палкой в сарай пролезала фигура в фуражке и в погонах.

Чапа среагировал мгновенно, и бутылка исчезла со стола еще до того, как из-под фуражки показалась красная морда милиционера.

— Так-так, — стандартно по-ментовски, с этакой вкрадчивой интонацией и одновременно с нарастающей мощностью приближающейся электрички, произнесла морда, — презервативы. Вино!

Милиционер, наконец, протиснулся в сарай и теперь нависал над ребятами словно хищное чудовище. Фуражка чуть ли не упиралась в потолок, и он был вынужден пригнуться, от чего голова оказалась ниже плеч и теперь при осмотре помещения слегка покачивалась между сержантскими погонами.

— Здрасьте, — только и смог произнести Илья.

Почему-то выдвинутое обвинение касательно презерватива возмутило его и вогнало в краску. Чапа, наоборот, спокойно и с достоинством, как вождь индейского племени, поднял руку и произнес:

— Здравствуйте, Михаил Иванович. Какими судьбами?

— А такими, уважаемый товарищ Чаплыгин, что вы сейчас прекращаете вашу гулянку и проходите со мной в отделение всей компанией.

Очевидно, что сержанту было жарко и душно в этом маленьком и грязном помещении, поэтому чудовище с кокардой во лбу попятилось задом к выходу, зачем-то продолжая держать перед собой палку с болтающейся на ней «резиной». Это было похоже на отступление на заранее подготовленные позиции, а палка должна была угрожать и сдерживать наступающего противника.

Ребята напряженно следили за его маневрами.

В освещенном проходе рядом с задом милиционера мелькнуло испуганное лицо Женьки. Он успел показать два пальца за мгновение до того, как зазор между телом сержанта и проходом исчез и в сарае на короткое время стало темно. Значит, милиционеров двое.

Внезапно Чапа схватил Илью за руку и прошептал:

— Ты как хочешь, а я тикаю.

Развернулся и плечом с силой надавил на заднюю стенку сарая. Доски неожиданно легко поддались, и Чапа исчез в образовавшемся проёме.

Илья схватил Мещерю за рукав.

— Ты чего сидишь, пошли, — зашипел он.

Но Мещеря отдернул руку и покорно, кряхтя, двинулся к выходу.

— Ну, чего вы там? — говорящая часть сержанта появилась в проеме.

Илья сначала заметался, но, решив, что Мещеря ему больше друг, чем Чапа, тоже вышел. Второй милиционер, помоложе, крепко держал за ремень Женьку. Другой, свободной, рукой он подхватил и Мещерю.

Илья достался сержанту. Когда тот грубо схватил его за ворот рубашки, Илья дернулся, но тут же покорно встал рядом.

«Взрыв моста не удался. Партизаны были захвачены в плен», — подумал он.

— Ты чего ухмыляешься? — спросил его сержант. — А четвертый где?

Илья неопределенно мотнул головой.

Это было не отделение, а опорный пункт ДНД. Комната с засаленными обоями голубого цвета, на столе консервная банка, приспособленная под пепельницу и отвратительный запах томительного безделья и тупой неподвижности, сочетающий в себе водочный перегар и миазмы заполненной до краев пепельницы.

Сержант по хозяйски подхватил стоявший у двери табурет и установил в центре комнаты. Одного его взгляда было достаточно, чтобы дежуривший в пункте мужичок с красной повязкой куда-то исчез.

Молодой напарник сержанта, по виду только что из армии, уселся за стол, деловито сгреб в ящик стола мусор, вытряхнул туда же пепельницу, достал из планшета чистые листы бумаги и замер в готовности.

У Ильи сложилось впечатление, что этот парень пришел досмотреть кино, в котором он сам только что принимал непосредственное участие. Очутившись в четырех стенах, в пространстве, ограниченность которого резко уменьшало риски всяких там неожиданностей в форме побега или потасовки, он расслабился и занял удобную позицию стороннего наблюдателя.

Более опытный, сержант Сиротин оставался начеку. Он снял с гвоздя в стене ключ и запер дверь. Ключ положил в карман, затем протопал к окну и уселся на подоконник, сдвинув задом в сторону горшок с каким-то чахлым растением.

Ребята все это время печально наблюдали за разворачивающимся без их участия действием, и легкий зуд беспокойства и безотчетного страха вползал за воротник потных рубашек, вытесняя надежду на спасение, которая ещё оставалась в течение их короткого этапирования к месту дознания.

Пауза затягивалась. Мещеря напустил на себя вид беззаботного и безобидного паренька, которого вежливо попросили присутствовать только в качестве понятого.

Моторный Женька дрожал правой ногой и, похоже, не находил себе места. В отведенном ему одном квадратном метре он совершал круговые перемещения, все время оставаясь, однако, лицом к окну, точнее половине окна – вторую половину занимал грузный силуэт участкового.

У Ильи настроение было никакое. Он впервые попал в милицию и, как не старался, не мог представить своё ближайшее будущее. В конце концов он сложил руки на груди и застыл в позе Овода при встрече со священником-отцом из недавно прочитанной книги.

Наверное тем самым Илья повел себя вызывающе, потому что именно в его сторону повернулась верхняя часть темного силуэта в фуражке.

— Фамилия?

— Ульянов, — непонятно почему соврал Илья, и тут же рядом прошелестело правдивое эхо друзей: «Мещерин... Ляпустин...»

— Садись, — скомандовал силуэт.

Илья разжал руки и шагнул вперед, но Женька оказался проворнее и уселся прежде него, пропустив табурет между ног. Приказ конечно относился к Илье, самому заносчивому из шайки, и его по законам жанра нужно было давить первого. Однако сценарий был нарушен, и Сиротин недовольно крикнул, прежде чем подняться с подоконника. Тут же лицо его напарника сделалось еще более бесстрастным: его начальник призывал подчиненного подняться из зрительского зала, чтобы вновь занять место на экране. Чтобы сосредоточиться и вспомнить заученную на милицейских курсах роль, парень перевернул листок бумаги, сдул с него пыль, достал ручку и изобразил полную готовность исполнять приказ.

Илья сосредоточил внимание именно на нём, а не на фигуре, от которой явно исходила угроза. Отец учил его не смотреть в глаза дворовой собаке, и сейчас это должно было сработать, хотя похожими на дворняг были как раз он и его друзья.

Грузная фигура сержанта обошла вокруг сидевшего на табурете Женьки, потом еще раз. Он двигался почти бесшумно, только скрипел паркет и сановито похрустывала кожа сапог. Внезапно он схватил Женьку сзади за шею, от неожиданности тот вскрикнул и сделал попытку увернуться. Табурет выскользнул из-под Женькиного зада и врезался в ногу милиционера.

Насколько Илья мог судить из своего богатого на падения и столкновения с окружающими предметами жизненного опыта, удар был не очень болезненный, можно

сказать «вскользячку», но, понятно, сержанту нужен был только повод, и Женькин зад и табуретка сделали свое дело.

Женька еще лежал на полу, когда пыльный носок сапога угодил ему в ребра, после чего паренек отлетел к окну и шмякнулся о батарею спиной. У Женьки перехватило дыхание, мгновение он оставался лежать с широко раскрытым ртом и выпученными от удущья глазами. Потом завопил то ли от боли, то ли от страха, да так истошно, что напарник участкового схватился обеими руками за стул, будто боялся упасть, лицо его побелело.

Илья набрал в грудь побольше воздуха и тоже заорал. После чего, почти инстинктивно, как это всегда бывало в дворовых потасовках, ноги его сами спружинили и бросили на обидчика. Он воткнулся головой в темную клинообразную сырую полосу над ремнем, точно посередине спины милиционера и... снес с его головы фуражку. Это был единственный эффект от стремительной атаки. Сержант застыл на месте как валунокаменюга, а Илья рухнул у его ног, в шее что-то хрустнуло и свет перед глазами героя померк.

— Хи-Хаак, помоги, — почувствовал Илья натужный шелестящий шепот у своего уха.

Щеку защекотало прикосновение чьих-то жестких волос. Также ему бывало щекотно от редкой ласки отца, когда его губы касались щеки или лба, а двухдневная щетина (по субботам и воскресеньям отец не брился) задевала нежную кожу и шелестела наждачной бумагой.

— Евреи по субботам не работают, Аратрон, — пророкотал другой голос, но через мгновение Илью кто-то взял за ноги — под мышками он уже был крепко схвачен, по-видимому, Аратроном, — и тело героя поплыло куда-то в воздухе, покачиваясь из стороны в сторону.

— А я вот в субботу работаю, как ты знаешь... Снова работаю! И все благодаря этому отроку.

Илья слушал, точнее, ощущал весь этот бред, который жил в его больной и безвольной голове, и даже не пытался прояснить, кто это несет его и всю эту чушь.

«Евреи, по субботам не работают, значит, сегодня суббота, - только и сделал он мысленное заключение из происходящего. — Да, сейчас начало июня, год 1967».

Перед глазами Ильи всплыла картина Репина «Арест пропагандиста». Два дня назад они всем классом ходили в Третьяковку. Экскурсовод, женщина с высокой причёской, в серой, обтягивающей большой зад юбке и стоптанных туфлях, без выражения талдычит: *«Все внимание в картине сосредоточено на революционере. Он только что схвачен. Руки скручены на спине. Возле него суетятся сотские и урядники. Пропагандист словно еще силится высвободиться. Зритель чувствует его скрытую энергию, волю к борьбе. Гневный взгляд направлен в сторону мужчины, стоящего у окна. Волосы растрепаны, пуговицы на рубахе оторваны. Особенно остро чувствуется героизм революционера в сравнении со стоящим рядом урядником. Тот словно боится подойти к пропагандисту, дотронуться до него рукой. Откиннутая назад голова, пугливое движение рук, тупое лицо с красным вспухшим носом — все это делает его образ гротескным... Мужики, стоящие у окна и с опаской поглядывающие на революционера, мужик, сидящий на лавке (возможно доносчик), — все эти персонажи с большим тактом дополняют главное содержание, до конца раскрывают сюжет, не споря с образом главного героя».*

— А фамилия моя Ульянов, имя Ленин. Родился 13 апреля 1870 года в городе Симбирске.

Только сейчас Илья догадался открыть глаза и тут же дернулся в сторону, уходя из под нависшего над ним огромного и красного, до боли знакомого лица урядника.

— Ну, слава тебе... партии родной. Очнулся! Так ты — Ленин, говоришь? —дохнул кислым Сиротин, затем лицо его поднялось и уплыло в сторону.

Тут же возник испуганный лик Мещери.

— Илья, ты чего? Как ты? Какой ты Ленин! Товарищи милиционеры, он бредит. Это же Илья Шторц. Мы с ним в одном классе...

— Так и запишем, Илья Шторц. Называет себя именем вождя ВОСР.

— Да какой он вор!

—...Великой октябрьской социалистической революции, щеня.

Илья лежал на столе и вопрошающим его было очень удобно склоняться в заботливом участии, трогать за грудь, хватать за руки, прикладывать мокрую, пахнущую хлоркой тряпку ко лбу. За ним ухаживали, и это хорошо!

Прежде чем снова отключиться, он почувствовал или услышал где-то в углу комнаты уменьшенный в тысячу раз, но очень отчетливый звук уходящего вглубь тоннеля вагона метро, на котором уезжал и прощался с ним некто Аратрон, а рядом с ним, за стеклом кабины машиниста, недовольно бурчал на счет субботы другой некто — Хи-хаак.

Они вышли из опорного пункта какие-то совсем потерянные. Мещеря держал Илью за руку и все время заглядывал ему в лицо.

— Илья, ты как, нормально? — вопрошал он все время, пока они шли до ближайшей беседки.

Рядом передвигался кругами Женька. То забегая вперед, то отставая, он прыгал перед глазами Ильи как мячик, размазываясь в большой голове в рапидный силуэт. Сели, закурили. У Ильи от табачного дыма еще сильнее закружилась голова. Он осторожно слез с ограды беседки и приземлился на скамью. Женька вышел на середину и задрал рубаху. Пальцем пощупал здоровенный синяк на ребрах.

— Вот, сука, уделал как, — с досадой произнес он.—Что я теперь тренеру скажу.

Женька занимался спортивной гимнастикой года четыре. На животе его красиво выпирали мышцы. Сейчас левые два рельефных квадратика были бордовыми.

— Ты повернись, — попросил Илья.

Поперек спины Женьки протянулась такого же цвета полоса второго синяка от удара о батарею.

— Да, космонавт при приземлении угодил спиной на корень баобаба...

— А что там? — пытаюсь заглянуть за спину, Женька крутанулся так, что чуть не упал.

— Жить будешь, — поморщился Илья от очередного растроения в глазах Женькиного тела. — Башка болит.

— Ну еще бы, — зачастил Мещеря, — Ты как его боднул, так и рухнул, словно тебя подстрелили. А эта сволочь только покачнулась, да шапка слетела. Он и тебе хотел врезать, тут Женька заорал: «Не бейте!». И я как заору. Никогда так не кричал, даже охрип теперь. Этот, второй, дернулся из-за стола, будто ему гвоздь кто всадил, бумаги все полетели, на кепку сержанта наступил, потом отскочил к стене. Хорошо, что тоже не заорал.

Потом милиционеры схватили Илью за ноги и подмышки, положили на стол и безмолвно склонились над ним в скорбном молчании. Мещеря описал эту сцену так живо и с таким чувством, что даже Женька перестал вертеться и зашмыгал носом.

— Мы уже думали, тебе конец, — заключил Мещеря, — но когда ты про Ленина начал загибать, я всё понял.

— И что же ты понял?

— Что ты живой.

— Ну да. И тут же раскололся. Ты зачем ему мою фамилию назвал?

— Так я же... Мы с Женькой...

— Не надо было им всё рассказывать. Документов у нас с собой нет. Откуда им знать, кто мы такие. Назвались бы капитанами Немо или Паганелями. Теперь родителям позвонят, в школу напишут.

— Так он же участковый. Он нас всех и без того вычислил.

— Всё равно. То он, а то мы ему всё сами...

— Илья прав, — вдруг сказал Женька. — Надо было драться до конца. Как «молодая гвардия». Но и ты, Илья, хорош — Ульянов Ленин! В это же кто поверит?!

— Ладно, проехали, — сказал Илья. Перед глазами продолжала висеть серая хмарь.

— Пацаны, а в комнате кроме вас и ментов больше никого не было? — осторожно спросил он, вспомнив про евреев и субботу, про звук уходящего поезда...

Мещеря понимающе приобнял Илью.

— Свидетелей ищешь? Илька, ты ничего конечно не помнишь. Кроме двух мусоров и нас троих — никого. Деендешника они с самого начала поперли. Вот и все.

— Ладно, пойду домой, — уныло сказал Илья.

Илья застыл на пролете между 9 и 10 этажом, домой идти не хотелось.

Скандал был неизбежен. Мать работала в ЦК, аж в Кремле, и для нее узнать, что сын попал в милицию, да еще дрался с одним из них, было смерти подобно. То, что информация дойдет, можно было не сомневаться, по крайней мере, до Мещериных родителей и его.

Они жили в доме, где селили работников МИДа, аппарата ЦК, Совмина. Этакий заповедник для среднего персонала. Министры, академики, да и сам генеральный обитали в 26-ом, ближе к центру. Женьке повезло больше, он жил в каком-то полупричастном доме на Маросейке, — пока весть дойдет... А они-то тут, рядом!

Далеко внизу на маленькой спортивной площадке пылили футболисты. Илья различил Авдея по семенящему бегу, тот специально шаркал кедами по мелкому гравию площадки, столб пыли, поднимающийся за ним, должен был сбить преследователей с толку или напрочь ослепить. Но для гнавшегося за ним огромного Кареты это были семечки.

Серега Каретов было на год их старше и на три крупнее и выше. Голова его плыла поверх пыльного сумрака и Авдею приходилось туго, он постоянно оглядывался, уходил в сторону от ворот. Затем безнадежно пнул мяч в бок и остановился.

Сейчас Илья посочувствовал его нерешительности, хотя в другой раз обругал бы в пылу битвы, будь он на поле. Хотелось есть и пить, и если с едой было понятно, — в пожарном шкафу на площадке с пятницы лежали бутерброды, которые мать ему дала в школу, — то воды из пожарного крана не попьешь.

Илья перегнулся через перила и посмотрел вниз. Он во время отказался от намерения как всегда плюнуть в довольно широкий лестничный пролёт, так как, — о чудо! — тремя этажами ниже на него смотрело и улыбалось лицо Чапы.

На подоконнике шестого этажа, на площадке которого Илья оказался через секунду, на первой полосе газеты «Правда» стояло пиво, лежала разломленная буханка